

Геннадий Геннадьевич ГРИГОРЬЕВ
 (творческий псевдоним Григорий ЕГОРКИН) родился
 в 1963 году в Омской области.
 По профессии журналист. Известен как драматург,
 является автором более 40 пьес и инсценировок.
 Автор трёх прозаических и поэтических сборников.
 Публиковался в журналах «Урал», «Нева», «Москва»
 и многих других, в «Антологии современной уральской
 поэзии» (Челябинск, 2018).
 Награждён медалью Фонда поэта Игоря Григорьева
 (Санкт-Петербурге).
 В журнале «Север» публикуется впервые.

**Григорий
 ЕГОРКИН**
 г. Челябинск

«Я чую всё:

где фронт, где фланг...»

* * *

Боец, а не молокосос —
 Я это о себе.
 Все говорят: военный пёс,
 Хороший, умный, сильный пёс,
 Отличник БПП*.

Зачёты сдал во всей красе,
 Других опередив:
 Прошёл на «пять» по полосе,
 По очень трудной полосе,
 Превысил норматив.

Я чую всё: где фронт, где фланг,
 Где «мессер» и где «Ил»...
 Без страха я ползу под танк,
 Под чёрный и рычащий танк —
 Вожатый так учил.

Простой надёжный паренёк.
 Строг с виду, но тайком
 Со мной он делит свой паёк,
 Солдатский суточный паёк,
 И чешет за ушком.

Вчера же я не мог уснуть,
 От радости скулил,
 Мне шлейку новую на грудь,
 Как орден воинский на грудь,
 А в шлейке той — тротил.

* БПП — боевая и политическая подгруппа.

СЕСТРИЦА

Тяни меня, сестрица,
 Тяни, сколь хватит сил...
 Какое там жениться!
 Я ж толком не любил.

Новокаин, сестрёнка,
 Иглой в меня вдави.
 Когда свинцом по бронхам,
 Бойцам не до любви.

Вливай в меня, сеструха,
 Весь здешний физраствор,
 Шепчи, склонившись к уху:
 «Не трусь, терпи, сапёр!»

Бинтуй сильнее, сестричка,
 Стерплю, сама не трусь!
 В тебя, в твои косички,
 Поправлюсь и влюблюсь.

Не надо слов, мне легче без!
 И скоро будет так:
 С наградой той наперевес,
 Сомнениям всем наперерез
 Я поползу под танк.

И доберусь (отличник ведь!)
 Сквозь пулемётный лай...
 Не плачь, вожатый, и ответь,
 Ты псу по-честному ответь:
 Он есть — собачий рай?

ПАНИХИДА ПО СТАРЛЕЮ

Приказ на батарею
Пришёл, лишь бой угас.
Взвод схоронил старлея,
Взвод выполнил приказ.

...От близких пуль шалея,
Меж битых стен и ям

Вернулись все в траншею,
А он остался там.

В атаке — не в спортзале,
Но кто ему мешал?

Другие добежали,
А он не добежал.

Он брился очень редко
(А что брить пацану?),
В планшетку клал конфетки,
Романы про войну

И письма от девчонки...
За что же, мать ети,
Лежит он там, в воронке,
С планшеткой на груди?!

НА ПОГОСТЕ

Мороз отчаянный до злости,
Оградки в хлопьях куржака.
И землю долбят на погосте
Четыре дюжих мужика.

А почва стылым монолитом
Спеклась в гранит — дубак такой.
Её бы надо динамитом,
А не лопатой и киркой.

Кто упокоится в могиле?
Прораб?
Артист?
Шофёр?
Солдат?..
Трудяги плечи распрямили,
Из рук не выпустив лопат.

Взгляд отстраненный — как с чифира,
От мокрых спин идёт парок.
— Кому готовите квартиру?
— Так, — отвечают. — Роем впрок.

Работа трудная, но сдюжим,
На наш товар особый спрос.
А стужа... Мало ли что стужа!
Ловчей копается в мороз.

...Я уходил. А эти снова
Взялись за труд — к руке рука:
Навет,
Коварство,
Зависть,
Злоба —
Четыре дюжих мужика.

В ней сникерс. И помимо
Сидишника «Любэ»,
Там первый том «Цусимы»
И карта ДСП*.

Зовёт майор в палатку:
«Пей, водка как слеза.
Хрен с этой шоколадкой,
Но карта...
Знаешь сам».

Сержант, занюхав «гжелку»,
Роняет гильзы слов:
«Схороним без пристрелки,
Накроем с трёх стволов».

Сам целил миномёты
В безоблачную синь,
Но вместо «Пли!» расчёту
Скомандовал: «Аминь!»

Отмашка.
Выстрел.
Вспышка...
Пока снаряд в пути,
Он шепчет: «Спи, братишка,
И строго не суди».

...Зарядов не жалея,
Без всяких риз и ряс
Взвод отпевал старлея,
Взвод выполнял приказ.

* ДСП — для служебного пользования.

ВОДИЦА ПОМОЖЕТ

«Ничёсе дедок – цельный архимандрит!» –
 Роняет шеренга остроту.
 Святою водою усердно кропит
 Поп нашу безбожную роту.

По меркам войны не его перевес
 На ротном плацу в этом часе:
 Нас, грешников, сотня – в разгрузках* и без,
 Напротив – один он.
 При рясе.

Но батя и бровью седой не ведёт,
 Ему что комбриг, что водила...
 И ловим мы скулами капельки от
 Большого, как веник, кропила.

Весенним дождём умывает вода,
 Пьянит непроцеженной бражкой.
 У взводного Юрки мокра борода,
 У Вити-минёра – тельняшка.

Стоит, улыбаясь, окопный народ,
 Не горбит под брызгами спину.
 И как бы случайно я свой пулемёт
 Под тёплые капли подвинул.

Стекает по мушке одна – как слеза...
 Но надо братве приколоться:
 «Слышь, батюшка, в чём же твои чудеса?
 Водичка, небось, из колодца!»

У старца морщинки сбежали с лица,
 Вдруг стал – и моложе, и строже:
 «Господь с вами, дети, вода из Донца.
 Воюйте,
 Водичка поможет».

* Разгрузка – жилет, предназначенный для комфортного ношения большого количества мелких вещей.

ЭТОТ МАЙ

*Ушедшим однополчанам
 и командирам посвящая.*

Ох, этот глупый май,
 чтоб драли его черти!
 Подходит он, и ты
 невольно вспоминай:
 кто в мае вступит в брак,
 промается до смерти –
 народная молва.
 Что делать – месяц май.

Ах, этот гордый май!
 Пройдя в строю едином
 с портретами бойцов,
 по полной наливай.
 Чтоб не забыть Хатынь,
 «катюши» под Берлином,
 блокадный Ленинград.
 Таков он – месяц май.

Ух, этот гулкий май!
 В казачьем батальоне
 делились пополам
 и «прима», и сухпай.
 Короткий бой, наряд,
 НП на терриконе,
 ночные трассера...
 Всё это – месяц май.

Эх, этот горький май,
 на сердце шрам саднящий.
 Мы здесь пока, а те
 шагнули через край.
 Кто в мае с честью пал,
 бессмертие обрящет –
 окопная молва.
 Воздай им, месяц май!